Н. Эйдельман

Двадцать два слова

На титульном листе книги — двадцать два слова.

Фото сделано с одного из тринадцати экземпляров книги, отысканных в нашей стране (сверх того, еще два-три экземпляра попали за границу).

Внимательно разглядите, многоуважаемый читатель, этот лист, но не торопитесь восклицать: «Знаем, знаем, все ясно!»

Попытайтесь хоть на несколько минут перевоплотиться в любителя, который июньским днем 1790 года перелистывает эту книгу в петербургской книжной лавке купца Зотова, размышляя, стоит или не стоит отдать за нее два рубля (а в переплете — два рубля 35 копеек).

Путешествие

Заглавие как будто самое обыкновенное — путешествия подлинные и литературные в ту пору в большой моде: «Путешествия Гулливера» и «Сентиментальное путешествие», «Путешествия» капитана Кука и Бугенвиля; «Письма русского путешественника», и «Путешествия» в «страну мертвых»... и «страну любви».

Один юморист насчитал в ту пору 506 мотивов, побуждений, целей, поводов для странствия...

Но «Путешествие из Петербурга в Москву»— помилуйте! Что за название, что за тема? Любой из возможных читателей либо совершал это путешествие, либо может совершить: если не хочешь медленно волочиться «на долгих», то есть на своих лошадях, надо рано утром выехать и путешествовать, останавливаясь на ночлег попозже, чтобы к вечеру третьего дня достигнуть «другой столицы»: по дороге леса, болота, деревушки, всего два крупных города — Новгород и Тверь; двадцать пять почтовых станций...

Нет, на фоне островов Полинезии, государства лилипутов или «царства мертвых» — путешествие слишком обыкновенное и, если автор все же рискует своим успехом у читателей и называет книгу столь **тускло**, то, надо думать, это неспроста: он либо иронизирует, нарочито подчеркивая **обыкновенность** своего маршрута; либо избирает столь невинное название для маскировки, прикрытия своих истинных целей...

Автор...

Но кто же автор? Никакого имени ни на титульном листе, ни в каком-либо другом месте книги не выставлено.

Нет Автора!

К тому же наметанный глаз петербургского книгочея сразу заметит, что на титульном листе отсутствует обычная отметка: «С дозволения управы благочиния» (то есть с дозволения полиции; с дозволения цензуры). Впрочем, эта отметка есть в самом конце, на 453-й странице книги. Но это странно, «не по правилам». Любопытство покупателя возбуждено, он спрашивает, кто же все-таки автор, и купец шепчет, что это — чиновник с таможни господин Радищев, что книга особенная, о ней «много говорят». И уж двадцать пять взятых на пробу экземпляров скоро разойдутся — пора посылать за новыми...

Подобный же вопрос — кто автор?— задала 25 июня 1790 года императрица Екатерина II, когда экземпляр «Путешествия» положили ей на стол.

До сих пор спорят, кто поторопился **поднести** и **донести**, так что царица стала одним из самых первых читателей...

Екатерина вникает, ужасается, приказывает схватить автора и весь тираж: автор нашелся — экземпляры же (всего их было 640 или 650) за вычетом проданных и коекому отосланных в подарок — все экземпляры, по уверению Радищева, были сожжены вместе с корректурой и другими подготовительными материалами.

Сожжены, и вот почему на всей земле найдено за два прошедших века не больше 15 штук.

Но опять тайна, над которой бьются специалисты: правда ли, что все сожжены? Ленинградский исследователь В. А. Западов и ряд других филологов нашли за последние годы любопытные доказательства, что многое, возможно, было припрятано, зарыто или увезено верными людьми: со спасенных корректурных или рукописных листов Радищева снимали копии и списки пускали по рукам...

ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй.

Тиленахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Списков, кстати, ходило по России много: значительно больше, чем печатных экземпляров: на сегодня их отыскали около сотни; самое любопытное, что некоторые довольно существенно отличались по тексту (сейчас известно шесть «редакций», основных вариантов «Путешествия»).

Как это объяснить?

Писатель Г. П. Шторм, ныне покойный, выпустил книгу «Потаенный Радищев», где старался доказать: разные списки возникли потому, что Радищев **после**, вернувшись из ссылки, продолжил работу над своим главным трудом и затем дал его переписчику.

Сенсационная гипотеза писателя была решительно отвергнута специалистами.

Сейчас наибольшее признание имеет точка зрения В. А. Западова, что Радищев, желая уберечь свой труд от уничтожения, своевременно, еще до выхода его в свет, принял «меры к спасению» (разные же редакции происходят от более ранних текстов «Путешествия», от того «вида», который оно имело еще до выхода в печать).

И, если так, значит, был тайник рукописей и корректур «Путешествия», лаборатория взрывчатого труда; и нужно ли говорить, сколько бы отдали историки и филологи, чтобы тот тайник отыскать...

Но мы, кажется, увлеклись **чтением** одного заглавия книги (да еще выходными данными — «1790. В Санктпетербурге»): восемь слов. Но на титульном листе есть еще четырнадцать...

Эпиграф

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.

Даже не понимая смысла, не вникая — нечто страшное, зловещее: слова понятные, хотя и странные: **чудище, стозевно, лаяй** соседствует с таинственным **обло, озорно...** Прочитайте эпиграф (про себя, а лучше вслух) быстро, как будто это одно слово: заклинающие, воющие, унылые гласные, особенно следующие одно за другим десять «о» (так и вспоминается пушкинское «домового ли хоронят...») и резкое финальное — **лаяй!**

Не очень понятно и, может быть, тем эффектнее... «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает» (О. Мандельштам, «Разговор о Данте»).

Звук эпиграфа воздействует сильнее прямого смысла, как музыка!

Нужен ли после того еще разбор отдельных слов?

«Знание — сила» — утверждает заглавие журнала, и поэтому осторожно попробуем «алгеброй частного» не разбить гармонии цельного.

Чудище. Казалось бы, то же самое, что чудовище — и все-таки не совсем то... Хотя бы потому, что реже встречается.

«Дьявольский хохот загремел со всех сторон, безобразные чудища стаями скакали перед ним» (Гоголь).

Словно злое чудище
Город зарождается
(Полонский).

Сегодня *чудище*, пожалуй, чуть-чуть смешнее, домашнее, чем *чудовище*, но в XVIII веке, кажется, нет...

Обло. «Это был человек весьма обширный, или, говоря старинным словом, уцелевшим в наших краях, облый, с большим лицом, с большими глазами и губами».

Выходит, уже во времена Ивана Сергеевича Тургенева (цитируется его повесть «Два приятеля») *облый, обло* — слова старинные, хотя еще и у советского писателя Всеволода Иванова встречается «Фекла, облая, туго поворотливая, как дрофа».

Озорно. Вспоминается *озорник, озорничать*. Но как-то, во-первых, прежде слово бывало и не столь добродушным: мужика находят с разбитым черепом, под баржой: «Ой, озорство», — причитал староста» (Горький, «Мои университеты»).

А во-вторых, кажется, чудище и не в этом смысле озорно. Словари русского языка сообщают о существовании старинного слова *«озор»*, родственного зоркому: «лазутчик, соглядатай, сторожевой пес»; а ведь наше чудище — «лаяй»!

Огромно. Знакомое слово, не требующее как будто объяснения: но часто ли мы слышим в нем корень *гром*, угадываем ли вымерший древний глагол *огромить* («слово огромит тебя» — написано в одном древнем тексте, то есть будешь поражен, подавлен словом)? Так что чудище огромно, значит — очень большое и как громом поражающее...

Стозевно. Такого слова не удалось найти в словарях; его сочинил автор (впрочем, и тут небольшая тайна, о которой — чуть после). Красиво сочинил: *сто зевов, сто глоток; стозевно* — по аналогии с такими словами, как *стозвучно, стократно* или *осточертеть*...

Наконец, **лаяй**. Знающие древнерусский язык понимают, что это причастный оборот от *лаять* — лаять же можно и сегодня не только по-собачьи, но и «по-человечьи» («лаяться» — ругаться).

Итак, если буквально перевести эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» на современный литературный язык, выйдет примерно следующее:

Чудовище толстое, зоркое, огромное, лающее ста пастями.

Тоже нечто жуткое, но, согласитесь, куда менее складное и страшное, чем «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй...»

Мы наконец дочитали эпиграф. Но автор, Радищев, явно апеллирует к читателю, хорошо знающему, помнящему эту строку: он называет произведение, откуда взято «чудище...», указывает том, книгу, стих... но без имени автора! (Это как мы иногда поступаем, давая ссылку: «Мертвые души», страница такая-то или «Евгений Онегин», глава... строфа...) Одновременно читателя приглашают вспомнить, а если понадобится, заглянуть в том II, книгу XVIII, стих 514.

Тилемахида

Огромная старинная книга. Ее заглавие много длиннее радищевского:

Тилемахида,
или
Странствования Тилемаха,
Сына Одиссеева, описанные
в составе ироические
пиимы Василием
Тредиаковским,
надворным советником,
членом
Санктпетербургской
императорской
Академии наук
С французския
нестихословныя речи,
сочиненыя
Франциском де Салиньяком
де ла Мотом Фенелоном
Архиепископом дюком
Камбрейским
принцем священныя империи.
В Санктпетербурге 1766.

Иначе говоря, поэт Василий Тредиаковский превратил прозу («нестихословныя речи») французского писателя Фенелона в русскую «ироическую пииму» (то есть героическую поэму). Поэма вышла в 1766 году, когда Александр Радищев был еще семнадцатилетним пажом императрицы Екатерины II.

Итак, ссылка Радищева на «Тилемахиду» отправляла читателя «Путешествия» к двум знаменитым авторам.

Фенелон (1651—1715)

Ныне редко читаемый, этот аристократ, архиепископ, воспитатель внука Людовика XIV и, одновременно, смелый, просвещенный философ был одним из властителей дум XVIII столетия. Жан-Жак Руссо готов был идти к Фенелону в лакеи, будь тот жив, «чтобы со временем быть у него камердинером». Философ и математик Д'Аламбер считал несчастными тех, кто остается равнодушным при чтении Фенелона, врага деспотизма и временщиков, кровавых войн и религиозной нетерпимости. Главный труд «архиепископа, дюка и принца»— «Приключения Телемака»— имел феноменальный успех и за один 1699 год выдержал двадцать изданий!

Некоторые правители гневались, справедливо находя себя и свое царствование в отрицательных персонажах Телемака; другие были поумнее: Екатерина II читала, цитировала, искала в Фенелоне «просвещенного союзника»; поэтому весьма поощрялись переводы, переложения его «нестихословных речей»...

Заглянем в XVIII книгу Фенелона.

Телемак (или Тилемах), безуспешно отыскивая своего отца Одиссея, в конце концов отправляется в Тартар, царство мертвых, рассчитывая, может быть, встретиться там с любимой тенью. После ряда ужасных встреч «наконец Телемак достиг того места, где заключены цари, осужденные за злоупотребление властью».

Мы цитируем один из точных русских переводов Фенелона...

А вот стихи:

Там, наконец, Тилемах усмотрел
царей увенчанных,
Употребивших во зло
свои на престолах могутства.

Читатель, конечно, догадался, что мы процитировали «Тилемахиду» Василия Кирилловича Тредиаковского.

Один из самых ранних русских поэтов, над ним при жизни и после смерти часто насмехались, сочиняли анекдоты, упрекали в недостатке вкуса, бездарности... Но вот отзыв весьма авторитетного критика, Александра Сергеевича Пушкина: «Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного. В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о нем целую статью... Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

Корабль Одиссеев,
Бегом, волны деля,
из очей ушел и сокрылся».

Гекзаметр, древний гекзаметр, которым Гомер писал свою «Одиссею», и возвращение этого размера переводу французской прозы!

Древня размера стихом пою
отцелюбного сына...

Свою оригинальную идею — превратить роман в поэму — Тредиаковский обосновывал тем, что русский язык в поэзии богаче, нежели французский.

Следуя за героем Фенелона и Тредиаковского, читатель наблюдает былых могучих тиранов, которым «Эвменида-фурия» подносит зеркало, и они видят в нем все свои грехи и пороки: тщеславие, жестокость, боязнь истины, стремление к лести, пышности; пороки —

...осно́ванных все́х на людей
разоре́нии кра́йнем,
Приобрета́емы кро́вию мно́гих
свои́х подчине́нных...

В том зеркале цари казались сами себе гнуснее и страшнее,

Не́жели хи́мера та,
побежде́нная Веллерофо́нтом,
Не́жели и́дра лерне́йска, сами́м
Ираклие́м сраже́нна,
И, напосле́док, не́жели то́т,
преужа́сный пес Ке́рвер,
Чу́дище, о́бло, озо́рно, огро́мно,
с тризе́вной и — лае́й,
Из челюсте́й что свои́х кровь
блюе́т ядови́ту и смо́льну,
Ко́я могла́ б зарази́ть живу́щих
всех земноро́дных...

Вот в каком контексте, в каком «окружении» — будущий радищевский эпиграф: цари-тираны, хуже химеры (побежденной Беллерофонтом); хуже лернейской гидры (идры), сраженной Ираклием (Гераклом); ужаснее, чем пес Кервер (трехглавый сторож подземного царства Цербер)...

Заметим, что у Тредиаковского он «с тризевной», а у Радищева — **стозевный!**

Трудно допустить, что Радищеву изменила память,— он ведь дает точную ссылку на главу и стих, а для этого уж, конечно, ему следовало еще раз взглянуть на знакомую 514-ю строку. Да к тому же кто не ведает, что пес Цербер — «трехглавый»? Радищев, как видно, сгущает строку, делает чудище еще страшнее — ему надо...

Бросим последний взгляд на XVIII главу «Тилемахиды»: в то время, как первая Эвменида-фурия заставляет царей видеть самих себя в «натуральном виде», хуже чудища, вторая Эвменида принуждает их глядеться в другое зеркало, где видят себя в том наилестном виде, как превозносились при жизни:

...из царе́й сих са́мые злы́е
Были те́ми, кото́рым припи́саны
превелеле́пны
В житие их похвалы...

Несходство двух зеркал было, оказывается, самой жестокой пыткой; цари стонут, рыдают, «превесьма мерзятся собою», но пытка вечная...

Снова 1790 год

Итак, дурные цари — вот кто хуже, чем «чудище... стозевно и лаяй».

Фенелону, Тредиаковскому простили — «их» цари «не узнали» себя в **поэтическом зеркале.** Екатерина II в 1769 году в своем журнале «Всякая всячина» настоятельно советовала подданным читать «Тилемахиду»...

Идиллия до поры до времени; пока Екатерина II не поймет смысла того эпиграфа, что на титульном листе «Путешествия»; пока не узнает, что «Телемак» — среди любимых книг одного из главных противников монархии Максимилиана Робеспьера.

Радищев, как видно, боялся, что его вызов «не заметят»...

Не потому ли в книге, в главе «Тверь», он между прочим снова вспомнил «своего» Тредиаковского. В прежних главах (между Петербургом и Тверью) уже было немало страшных страниц, невиданных по силе разоблачения. И вдруг в «Твери» автор пускается в рассуждения о стихах, рифмах, ямбах, дактилях; заявляет, что когда явятся русский Мильтон, Шекспир, Вольтер, «тогда и Тредиаковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в «Тилемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы».

Неужто Радищев «забылся»; и хотя душа его «страданиями человечества уязвленна стала», неужто в самом деле углубился в чистую теорию стихосложения?

Но вот выдуманный собеседник автора, выслушав его рассуждения о стихах, признается, что и сам сочиняет: «Если вам не в тягость будет прочесть некоторые строфы,— сказал он мне, подавая бумагу.— Я ее развернул и читал следующее:— Вольность... Ода...— За одно название отказали мне издание сих стихов».

Далее идут такие строки, что даже внуки Радищева, чтившие память деда, в своем экземпляре «Путешествия» зашили эти листы и запечатали сургучной печатью!

Вольность:

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О вольность, вольность, дар
бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Вот образ тирании, неволи:

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав.

И в таком духе — еще строфы, страницы...

Но, не правда ли, «чудовище ужасно, как гидра, сто имея глав»— это ведь «наше» знакомое «чудище обло... стозевно»? И вот откуда у него сто глав — от лернейской гидры, соседки (в пятьсот двенадцатом стихе«Тилемахиды»): это ей отрубили «сто глав».

Радищев **скрестил** гидру с Цербером — и все ему мало для создания подобия тирании...

Кстати, и челюсти с отравой — тоже из «Тилемахиды», пятьсот пятнадцатого стиха:

Из челюстей что своих кровь блюёт ядовиту и смольну...

Подобно древним героям, Радищев вышел один против чудища, бросив первый вызов уже в эпиграфе.

Эпилог

Автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву» отыскали, приговорили к смерти, помиловали ссылкой.

Все трагически ясно. Наш сюжет как будто завершен. Но все же не будем торопиться. «Еще одно, последнее сказанье...»

В 1801 году Радищев прощен и возвращается в столицу как будто для того, чтобы вскоре своей волею привести в исполнение тот смертный приговор одиннадцатилетней давности. Но перед тем Александр Николаевич вдруг занялся... стихосложением.

Он набрасывает сочинение под ироническим заголовком «Памятник дактилохореическому витязю». Витязь — это опять же старый знакомец Тредиаковский, и мы, конечно, вправе насторожиться: где «Тилемахида», там, рядом,— известно, какие речи, обороты...

Радищев: «Для дополнения стихотворного отделения моей библиотеки, вивлиофики, книгохранилища, книгоамбара я недавно купил «Тилемахиду»... Перебирая в ней листы, к удивлению моему, нашел в ней несколько стихов посредственных, множество великое стихов нестерпимо дурных... Нашел — подивитесь теперь и вы — нашел стихи хорошие, но мало, очень мало».

Ну, разумеется, читатель сразу так и поверил, что Радищев прежде «Тилемахиды» не читал и только сейчас, через много лет после появления и запрещения «Путешествия», эту поэму впервые открыл!

Но разговор (в форме диалога двух собеседников, неких господ Б. и П.) идет о стихах, только о стихах...

Господин П. в качестве примера «порядочного стиха» цитирует между прочим две строки, но какие!

Дивище мозгло, мослисто,
и глухо, и немо, и слепо;
Чудище обло, озорно, огромно,
с тризевной и лаей.

Господин Б. в ответ находит слова «дивище мозгло» нелепыми (о второй строке, записанной на этот раз точно по Тредиаковскому, а не по Радищеву, как видим, ни звука!) Критик заключает, что «Тредиаковский... не имел вкуса. Он стихотворец, но не пиит, в чем есть великая разница. Знаешь ли верное средство узнать, стихотворен ли стих?.. Сделай из него преложение, не исключая ни единого слова, то есть сделай из него прозу... Если в преложении твоем останется поэзия, то стих есть истинный стих...»

Непросто разобраться в тексте, а ведь это одна из самых последних работ первого революционера. Разумеется, Радищев сочиняет не иносказание, не аллегорию — его и в самом деле занимают законы стиха поэзии.

Однако не в меньшей степени его занимают законы жизни, истории, борьбы... А высказаться в открытую опасно — скажут: «опять ты взялся за старое» — и опять, глядишь, схватят.

Мы же не можем избавиться от ощущения, что, рассуждая в последний раз о Тредиаковском, Радищев лукаво подмигивает: он, видите ли, не читал прежде «Тилемахиды»; при этом — цитирует XVIII главу, **то самое** место... И вот что любопытно: стихотворной строки «дивище мозгло, мослисто...» там нет. Радищев ее присоединил, наверное, чтобы усилить, удвоить эффект, живее представить ужасные образы.

Даже в рассуждении о том, как проверять стихотворность стиха, можно усмотреть намек на эпиграф к «Путешествию», ведь там строка Тредиаковского была вынута из поэмы и, несколько переиначенная, представлена «нестихотворно».

В общем — доказать не можем, но сохраняем серьезные подозрения, что неспроста и не для одного стихосложения автор «Путешествия» пустился перед смертью в такие рассуждения и обратился к таким цитатам. Уж очень все это похоже на соседство «филологии» и революции в главе «Тверь», из приговоренного к смерти «Путешествия».

Может быть, в 1801—1802 годах Радищев хотел таким образом напомнить о своей Главной книге, проститься с потаенными читателями...

После того Радищев прожил еще недолго. Устал, принял яд. Чудище одолело человека. Но не книгу.

По России множились списки. На одной из немногих сохранившихся книг первого издания владелец написал: «Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии. Заплачено 200 рублей. А. Пушкин».

В 1858 году, через 68 лет после выхода книги и через 56 лет после гибели ее автора, появляется издание второе. И другой титульный лист уже чуть-чуть отличается от первого.

Прибавилось имя Радищева.

Прибавился лондонский адрес — знак Вольной русской типографии Герцена, опубликовавшей книгу, которая все еще запрещена в России.

Затем еще, еще, пробиваясь сквозь десятилетия,— книга возрождается, выходит сперва тысячными тиражами, потом миллионными. И на каждом из миллионов титульных листов — эпиграф хитрый и страшный: строка, пожалуй, не сколько уж Тредиаковского, сколько самого Радищева.

Неумолкаемая цитата-цикада.

●

Научные идеи: 1926—1985

История науки настолько богата блестящими порывами ищущей мысли, великими и малыми свершениями, талантами и мастеровыми, без которых не движется ни одно дело, стойкими заблуждениями и далеко не сразу понятыми откровениями, она очерчивает такой гигантский путь, пройденный человеческим познанием за исторически короткий срок, что к делу будет любой инструмент исследования ее самое: и микроскоп, открывающий подробности одного отдельного эксперимента, и телескоп, дающий обзорный вид крупных ее этапов.

Можно выбрать любой масштаб времени, чтобы проследить за движением и развитием научных идей, за противоборством или взаимообогащением старых и новых воззрений, за изменением научной картины мира. И каждый избранный масштаб будет хорош по-своему.

Десятилетие — оно отразит череду новых открытий, новых идей, возникновение новых рубежей научного поиска. Подвижность генетического аппарата, в частности «прыгающие гены», масса нейтрино, тонкие детали иммунологической системы, функциональная асимметрия левого и правого полушарий мозга у человека, особо динамичные — энергоактивные зоны океана Земли.

Шаг в двадцать — тридцать лет откроет картину становления принципиально новых направлений научного поиска: молекулярной биологии, квантовой хромодинамики, сравнительной планетологии, тектоники литосферных плит.

Шаг в пятьдесят — шестьдесят лет позволит воочию увидеть фундаментальные сдвиги в концептуальной картине мира, которую наука рисует на каждом рубеже своего развития.

Для своей новой рубрики мы выбрали период в шестьдесят лет, в частности, не скроем, и потому, что он совпадает со временем существования нашего журнала, у которого нынешний год — завершающий год его шестидесятилетия. В текущих публикациях наш журнал обычно стремится показать новизну современных исследований на фоне предыдущих поисков науки, в связи с предшествующей историей идей. Была бы наивной попытка показать в нашей новой рубрике все этапы движения научной идеи, от ее рождения до нынешнего состояния, — для этого пришлось бы как минимум повторить содержание многих статей журнала за самые различные годы, то есть стремиться объять необъятное. Нам придется обойтись немногим, самым главным — обозначить перемены в понимании той или иной проблемы, перемены, важные для общей материалистической картины мира. Стоит напомнить, пожалуй, что идея такой рубрики была предложена нашими читателями.

Итак, отталкиваясь от того, о чем журнал рассказывал в двадцатые, сороковые или семидесятые годы,— вперед, к сегодняшнему дню. Для первой публикации в этой рубрике мы выбрали проблему происхождения человека. Вы прочтете информацию из первого номера журнала «Знание — сила» за 1939 год с современным комментарием.

Парантроп

Недавно получено новое блестящее доказательство того, что человек действительно произошел от обезьяны: в Южной Африке найдены останки древней обезьяны, более похожей на человека, чем все остальные известные до сих пор обезьяны, живущие или вымершие.

Находка сделана мальчиком Гертом Тербланш, учеником одной из школ Трансвааля. В июне 1938 года в плотном известняке у вершины небольшого холма Герт Тербланш обнаружил остатки какого-то черепа. Часть из них он извлек сам, а остальное уже после раскопал антрополог Роберт Брум. Это оказалось находкой мирового значения.

Из найденных кусков удалось собрать почти весь череп с большей частью зубов... Найденного оказалось достаточным, чтобы установить, каков был наш родственник, живший многие десятки тысяч лет назад, в промежутке между двумя ледниковыми периодами.

Это была большая обезьяна, ростом выше большого шимпанзе и чуть меньше самки гориллы. Она ходила не на четвереньках, а на нижних конечностях и держалась прямее, чем все другие обезьяны... И все же это существо еще никак нельзя признать человеком, хотя бы и самым первобытным. По величине мозга и другим признакам найденное в Африке существо несомненно принадлежит к обезьянам. Не только синантроп, уже умевший пользоваться огнем, но даже и более древний питекантроп, одинаково близкий к человеку и к обезьяне,— и тот был более развит и разумен, чем южноафриканская обезьяна.

Брум дал ей название «парантроп», что значит — стоящий рядом с человеком. Почему же «стоящий рядом», а не предок? Потому, что парантроп жил сравнительно недавно, когда на земле уже были настоящие люди.

Нам по-прежнему недостает «недостающего звена»

Да, то было замечательное время в истории палеоантропологии — середина и вторая половина тридцатых годов!.. Первая, в сущности, эпоха «бури и натиска» в романтическом поиске самых ранних истоков человеческого рода. И как всегда в пору романтизма, многим тогда казалось, что быстрым натиском, единым приступом можно найти ответы на самые коренные вопросы эволюции человека. С тех пор антропология стала много более мудрой — и осторожной.

Позже такие эпохи исследовательских «бури и натиска» повторялись еще несколько раз. В пятидесятые годы, когда Луис Лики начал извлекать ископаемые сокровища из Олдувайского ущелья в Африке. В шестидесятые годы, когда на огонек открытий Лики в Африку на раскопки потянулись